

РЕЧЕВЫЕ ПРОВОКАЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: УСПЕШНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЕ ДИАЛОГА

Афиногенова Виктория Алексеевна

кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН (Москва)
afinogenovava@ipran.ru

SPEECH PROVOCATIONS IN DIALOGIC INTERNET INTERACTION: SUCCESSFULNESS OF REALIZATION AND DIALOGUE DEVELOPMENT

V. Afinogenova

Summary: This research continues series of studies associated with the phenomenon of speech provocation and turned to study successfulness of its realization in the process of dialogic Internet interaction and subsequent dialogue development. We analyzed discussions of information messages about COVID-19 pandemic on various Internet sites. 11 categories of provocative intentions were revealed. Intentions of medium intensity dominate among them. Successfulness of speech provocation is determined by its perlocutionary effect which appears at response resistance or submission to the provocateur that constitutes provocative line of dialogue development. Realized provocation is unsuccessful if there is no response or aspiration to dodge it. Such line of dialogue is interrupted. We described some ways to counteract speech provocations on Internet.

Keywords: dialogic Internet interaction, speech provocations, provocative intentions, intent-analysis.

Аннотация: Исследование продолжает серию работ, посвященных феномену речевой провокации, и нацелено на изучение успешности ее реализации в процессе диалогического интернет-взаимодействия и последующего развития диалога. Материал исследования – обсуждения информационных сообщений, посвященных пандемии COVID-19, на различных интернет-площадках. Выявлено 11 категорий провокативных интенций, среди которых преобладают интенции средней интенсивности. Успешность речевой провокации определяется ее перлокутивным эффектом, который проявляется в ответном сопротивлении или подчинении провокатору, что составляет провокативную линию развития диалога. При отсутствии отклика или стремлении уклониться от реализованной провокации она оказывается неуспешной, подобная линия диалога прерывается. Описано несколько способов противодействия речевым провокациям в Интернете.

Ключевые слова: диалогическое интернет-взаимодействие, речевые провокации, провокативные интенции, интент-анализ.

В современном информационном обществе проблема речевых провокаций становится особенно острой, ведь взаимодействие в Интернете открывает новые возможности коммуникации, позволяя открыто выражать свою точку зрения, вести полемику, а нередко – оскорблять, унижать, высмеивать собеседника, провоцируя на ответные речевые действия. Феномен речевой провокации широко исследуется политологами, лингвистами, социологами, психологами и другими учеными [4, 6, 7, 8, 9, 16, 20, 22 и др.]. А.В. Глухова определяет провокацию как «подстрекательство кого-то к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [6]. О.С. Волкова определяет провокацию как коммуникативную стратегию, «нацеленную на вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения» [4]. К изучению речевой провокации обращается и В.Н. Степанов, полагая, что она «изображает и передает определенное психологическое состояние для его собеседника и как бы «заряжает» его, а цель этого – вызвать желаемое внутреннее состояние, возбудить в нем коммуникативную активность, основанную на же-

лании соответствовать предъявляемым собеседником коммуникативным требованиям» [15, с. 161]. При этом, по его мнению, речевая провокация может иметь различную эмоциональную окраску, а другие исследователи (А.А. Штеба, В.О. Кузнецов, И.М. Дзялошинский, Р.В. Жолудь) считают ее отличительным признаком негативный характер последствий для вовлеченного в провокацию адресата [7, 20].

В социальных медиа феномен речевой провокации преобразуется в троллинг, который характеризуется проявлением вербальной агрессии и травлей отдельных пользователей [1, 3, 5, 12, 19, 23, 25 и др.]. Троллинг определяется как способ сетевого поведения, в основе которого лежит создание провокационных, издевательских, оскорбительных сообщений с целью нагнетания конфликтной атмосферы [12]. Успешная троллинг-атака изменяет тональность дискуссии, преобразуя ее в спор с употреблением нецензурной лексики и катализируя конфликт [5].

В современной науке нет однозначного и емкого

определения провокации, которое позволяет охарактеризовать это явление вне зависимости от условий его проявления. Мы придерживаемся определения О.С. Иссерс, которая понимает под речевой провокацией коммуникативный сбой, организованный говорящим для достижения определенных целей, что побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия [10]. В данном исследовании предполагается продолжить разработку проблемы речевой провокации и обратиться к такому аспекту, как успешность ее реализации и последующее развитие диалога.

Насколько успешна реализованная коммуникантом речевая провокация? Какое интенциональное состояние вызывает та или иная форма провокации? Как изменяется течение диалога после осуществления речевой провокации? Каковы способы противодействия речевой провокации в Интернете? На эти и другие вопросы предстоит ответить в рамках заявленного исследования.

Цель исследования – изучение речевых провокаций в процессе интернет-взаимодействия, успешности их реализации и последующего развития диалога.

Гипотезы исследования: 1. Реплики коммуникантов, реализующих речевые провокации, всегда получают негативно окрашенные отклики собеседников. 2. Успешная реализация речевой провокации обнаруживает ответное сопротивление коммуниканта. 3. Появление речевых провокаций изменяет текущую линию взаимодействия и может привести к конфронтации собеседников или их консолидации и поддержке последующих провокаций.

Методика

Участники исследования. 133 человека (по данным в открытых интернет-источниках, 83 мужчины, 50 женщин).

Материал исследования. 5 информационных сообщений, посвященных пандемии COVID-19, и их обсуждение (262 комментария, $\bar{M} = 52$, $\min=43$, $\max=63$) на различных интернет-площадках (Яндекс.Дзен, LiveJournal, Telegram, Facebook, РИА Новости). Отбирались популярные (имеющие более 1000 просмотров, по данным в открытых интернет-источниках) сообщения указанной тематики, получившие более 40 комментариев, которые были опубликованы в январе-феврале 2022 г.

Основным методом исследования выступил интент-анализ [13], который позволяет реконструировать

стоящие за речью интенции коммуникантов и выявить элементы интенционального содержания, связанные с текущим взаимодействием, коммуникативными тактиками, риторическими приемами и др. При квалификации интенций учитывались языковые маркеры, данные о цели коммуникантов, их статусно-ролевых позициях и пр., вытекающие из анализа контекста, а также ответные реакции собеседника, обнаруживающие его понимание сказанного.

Процедура исследования. На первом этапе исследования осуществлен сбор эмпирического материала и его первичная обработка. На втором этапе определена функциональная направленность комментариев собеседников (с учетом ответных реплик партнера) по методу интент-анализа [13]. На следующем этапе исследована интенциональная организация и структура интернет-взаимодействия при появлении речевых провокаций. Представлена группа провокативных интенций, присущих диалогу в условиях речевых провокаций в Интернете («критиковать», «высмеять», «выразить иронию», «выразить сарказм» и др.). Проанализированы варианты речевых провокаций, которые реализуются на различных интернет-площадках, и ответные отклики собеседников. На основе этих данных определены критерии их успешности и представлены варианты развития диалога в зависимости от достигнутого провокатором результата, а также описаны способы противодействия речевой провокации в Интернете.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный интент-анализ выявил 11 категорий провокативных интенций ($n=336$), присущих диалогическому интернет-взаимодействию. Опираясь на представление О.С. Иссерс о речевой провокации [10], мы относим к провокативным интенции, побуждающие собеседника к таким речевым действиям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия. Критерий отнесения интенции к провокативным – ее негативный перлокутивный эффект¹, который выражается, в том числе, в дестабилизации эмоционального состояния.

Среди провокативных интенций наиболее частотны (более 40 случаев реализации) такие категории, как «выразить иронию» ($n=77$), «оскорбить» ($n=62$), «критиковать» ($n=47$), «высмеять» ($n=42$) («*Бинго! вы начинаете соображать!*», «*У вас словоблудие. А на неудобный вопрос не ответили*», «*У меня генетика прекрасная и я не собираюсь издеваться над ней вашими чудотворными призывками*²»).

1 Перлокутивный эффект – эффект, который достигается в результате реализации высказывания с определенным намерением (иллокутивной целью).

2 Здесь и далее в речевых примерах сохранена орфография и пунктуация авторов.

Разработана шкала интенсивности провокативных интенций, реализуемых в диалогическом интернет-взаимодействии (рис. 1).

11	оскорбить
10	обвинить
9	обесценить
8	высмеять
7	осудить
6	выразить возмущение
5	выразить недовольство
4	критиковать
3	выразить иронию
2	возразить
1	намекнуть
0	

Рис. 1. Шкала интенсивности провокативных интенций, реализуемых в интернет-взаимодействии

Как видно из рис. 1, наименьшей интенсивностью обладает интенция «намекнуть», которая не встречается в анализируемом материале, однако в исследовании [2] обнаружены единичные случаи ее реализации. Низкая частота встречаемости этой категории обусловлена спецификой интернет-обсуждений и их потенциальной негативной оценочностью [11, 14, 18, 21]. Провокативные интенции «возразить», «выразить иронию», «критиковать», «выразить недовольство», «выразить возмущение» ($n=197$) характеризуются средней интенсивностью: провокатор открыто проявляет свою позицию, выступая против собеседника и вынуждая его совершить ответные действия («Бессимптомно не болеют» - «Это ложь»; «Бесят умники, которые вирусологами стали в 5 минут!»; «Вы откуда вообще такое взяли?!»). Наибольшей интенсивностью отличаются такие категории, как «осудить», «высмеять», «обесценить», «обвинить», «оскорбить»: провокатор стремится унижить партнера, разрушить его репутацию, что нередко выражается в грубых речевых формах («Про «умерло 200 тыщ» - просто феерически! То есть Вам их не жалко, так? Bravo!», «Как ширнешься жижей, так все получится?», «Вы - безответственные твари!», «Ты истеричка долбанная и лживая!»). Однако эти категории обнаруживаются значительно реже ($n=139$) провокативных интенций средней интенсивности (точный критерий Фишера, $p < 0,00001$): собеседники зачастую не поддерживают эскалацию конфликта, однако защищают свою позицию от действий партнера-провокатора.

Реализованные в интернет-взаимодействии речевые провокации ($n=336$) отнюдь не всегда оказываются успешными: в 69% случаев провокативные интенции не получают какого-либо отклика партнера. Возможности подобного игнорирования провокации обусловлены особенностями онлайн-обсуждений, которые отличаются значительной гибкостью, их формат позволяет не

отвечать на реплики собеседника и при этом оставаться участником коммуникации. Лишь в 31% случаев подобные интенции получают отклик партнера, однократный или множественный, содержащий не только провокативные (относящиеся к негативным), но также нейтральные и позитивные интенции, что частично подтверждает гипотезу 1.

Рассмотрим подробнее, какие интенциональные состояния партнера вызывают речевые провокации в интернет-взаимодействии ($n=161$). В 74% ответных откликов обнаруживается ответное сопротивление коммуниканта, что указывает на успешность речевой провокации и подтверждает гипотезу 2. В ответ на провокативные интенции средней интенсивности собеседники чаще реализуют интенции более высокой интенсивности («возразить – критиковать», «выразить недовольство – высмеять» и др.), чем интенции равной («выразить иронию – выразить иронию» и др.) или меньшей интенсивности («выразить недовольство – возразить», «критиковать – выразить иронию» и др.) (точный критерий Фишера, $p < 0,001$). Эти данные указывают на нарастание негативной оценочности, усиление конфронтации собеседников после успешной провокации партнера, которая может привести к развитию длительного конфликта, что отмечается и другими исследователями [4, 8, 18, 19 и др.].

Отклик на провокативные интенции высокой интенсивности, напротив, чаще содержит интенции меньшей интенсивности (точный критерий Фишера, $p < 0,05$): собеседник пытается, с одной стороны, уменьшить «провокативный накал» текущего взаимодействия, а с другой, продолжает сопротивление провокатору, не желая оставлять его реплики без ответа («Вот заражать народ всякими кавидами и разновидостями они двумя руками за, они всегда ввали врут и будут врать!» - «У западных стран тоже очень много всяких лабораторий где изготавливают заразу. Туристов отдыхающих много ездит вот оттуда всю грязь и привозят а здесь награждают»). При этом интенция «оскорбить», максимальная по своей интенсивности, чаще получает равный по силе отклик: партнер выражает взаимное оскорбление, заставляя провокатора испытать подобное своему чувству и вместе с тем демонстрируя способность защитить себя и дать симметричный ответ («Я нормальный - это вам похоже вирус мозг выел. ну не долго осталось» - «Нормальный человек опирается на документы, а вы - на пропаганду, значит, я права, вы – неадекватный! Недолго осталось что? Вы угрожаете? Заруби себе на носу, пособник фашистов люди без боя не сдадутся!»).

Об успешности речевой провокации свидетельствуют и немногочисленные случаи подчинения собеседника ($n=2$), которое реализуется в интенции «согласиться»: зачастую коммуниканты имеют свою точку зрения и ред-

ко поддаются вынуждению провокатора, поддерживая проводимую им линию взаимодействия [2].

В 24% случаев (n=39) обнаруживается стремление уклониться от провокативной линии диалога и продолжить коммуникацию, реализуя интенции нейтрального и позитивного характера, такие как, «выразить мнение», «сообщить», «предложить», «посоветовать», «предположить», «выразить удивление» и др. («У вас всё домыслы!» - «Нет никаких домыслов. Но есть жёсткая статистика и ФАКТЫ!»; «А как быть тем у кого запланированы мероприятия за месяц-два?!» - «Эти мероприятия можно и нужно перенести на 1-2 месяца»). Однако в подобных случаях, как и в ситуации отсутствия отклика, речевая провокация оказывается неуспешной: провокатор не достигает своей цели - дестабилизации эмоционального состояния собеседника.

Итак, проведенный выше анализ позволяет заключить, что успешность речевой провокации определяется ее перлокутивным эффектом, который проявляется в ответном сопротивлении или подчинении провокатору. При отсутствии отклика или стремлении уклониться от провокации она оказывается неуспешной.

Успешная речевая провокация приводит к изменению речевого поведения собеседника (n=122), что отражается на текущей линии взаимодействия. Рассмотрим подробнее эти ситуации.

В 98% случаев выявляется ответное сопротивление партнера, которое выражается в актуализации провокативных интенций разной интенсивности («Не спорьте с верующим. Медицинские доводы тут бесполезны» - «Есть универсальная вакцина от всех болезней. Если вам через уколы-то КСН, если через аэрозоли-Циклон-Б. После них люди не болеют. Ничем и никогда»). Однако дальнейшая конфронтация коммуникантов обнаруживается не всегда: лишь в 36% случаев заданная провокативная линия диалога получает развитие, нередко «вплетаясь» в основную линию развития обсуждения, связанную с анализом ситуации, за счет отсроченных откликов собеседников. Стоит отметить непродолжительность (3-6 реплик) и многочисленность провокативных линий, что сопряжено, с одной стороны, с нежеланием коммуникантов вступать в длительный конфликт и вместе с тем со стремлением дать провокативный, выразительный отклик, с другой – с возможностью оставить реализованные интенции без ответа, при этом не нарушая текущую онлайн-коммуникацию. Далее диалог вновь развивается по линии обсуждения и анализа актуальных событий до реализации очередной речевой провокации.

В 2% случаев обнаруживается подчинение партнеру-провокактору. Однако подобные провокативные линии не получают продолжения: диалог возвращается в

аналитическое русло. Случаев консолидации партнеров и последующих совместных провокаций в нашем материале не выявлено, поэтому гипотеза 3 подтверждается частично.

Как показывает проведенный анализ, наиболее эффективным способом противодействия речевой провокации в Интернете является ее игнорирование. Также возможно уклонение от реализованной провокации и аргументированное проявление своей позиции посредством реализации интенций нейтрального и позитивного характера. Еще одним способом противодействия является отсутствие длительной дискуссии с провокатором, что вынуждает его прекратить свои действия. Подобные варианты сопротивления партнеру-провокактору отмечаются и другими исследователями [17, 24 и др.], что свидетельствует об их универсальности и результативности.

Выводы

Выявлено 11 категорий провокативных интенций, присущих интернет-взаимодействию в условиях речевых провокаций, среди которых преобладают категории средней интенсивности («возразить», «выразить иронию», «критиковать», «выразить недовольство», «выразить возмущение»): собеседники зачастую не поддерживают эскалацию конфликта, однако защищают свою позицию от действий партнера-провокатора.

Успешность речевой провокации определяется ее перлокутивным эффектом, который проявляется в ответном сопротивлении или подчинении провокатору. Случаи подчинения собеседника немногочисленны, преобладают различные варианты ответного сопротивления коммуниканта, которое обнаруживается при актуализации провокативных интенций разной интенсивности: с одной стороны, отмечается нарастание негативной оценочности и усиление конфронтации собеседников, а с другой, стремление уменьшить «провокативный накал» взаимодействия и избежать развития продолжительного конфликта. При отсутствии отклика или стремлении уклониться от реализованной провокации она оказывается неуспешной, что часто обнаруживается в повседневном интернет-взаимодействии: оно отличается значительной гибкостью, его формат позволяет не откликаться на некоторые устремления собеседника и при этом продолжать текущую коммуникацию.

Развитие диалогического интернет-взаимодействия в условиях речевых провокаций сопряжено с их успешностью: примерно в трети случаев провокативная линия получает развитие, нередко «вплетаясь» в основную линию обсуждения, связанную с анализом ситуации, за счет отсроченных откликов партнеров. При отсутствии ответа или стремлении уклониться от провокации по-

добная линия диалога прерывается.

Представлено несколько способов противодействия речевой провокации в Интернете, среди которых ее игнорирование, уклонение посредством аргументированного проявления своей позиции, а также отсутствие длительной дискуссии с провокатором, что вынуждает его прекратить свои действия.

Перспективы исследования связаны с изучением структуры речевого взаимодействия при появлении речевых провокаций, определением доминирующей, подчиненной или нейтральной позиции коммуникантов и связанных с этим изменений в развитии диалога, а также выделением наиболее успешной из них в целях противодействия реализуемой провокации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич М.М. Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник РУДН. Серия Социология. 2012. №3. С.30-37.
2. Афиногенова В.А. Речевые провокации в повседневном интернет-взаимодействии: варианты реализации и развитие диалога // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 12. С. 39-44.
3. Булатова Е.И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. №2 (31). С. 75-78
4. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. №5 (24). С. 49-55.
5. Воронин А.Н., Ковалева Ю.В. Изменение субъектности сетевого сообщества в процессе троллинга // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. №3 (15). С.25-61.
6. Глухова А.В. Политическая провокация: природа, контекст, разновидности // Провокация: сферы коммуникативного проявления. - М., 2016. С. 39-72.
7. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т.2. №2. С.62-81.
8. Ионкина Е.Ю., Литвинова Е.А. Некоторые особенности коммуникативного поведения адресата как объекта провокационного воздействия в интервью-портрете (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38): Ч. I. С.87-90.
9. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. – М.: Ленанд, 2021. 272 с.
10. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. №2 (18). С.92-104.
11. Куликова В.А. Новообразования как средство вербальной агрессии в текстах интернет-СМИ // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / Под ред. Л.В. Рабиурской. М.: Флинта, 2021. С. 284-317.
12. Немыка А.А., Ушаков А.А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2012. №4. С. 68-70.
13. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.
14. Пильгун М.А. Семантическая репрезентация и восприятие сетевой агрессии: городские цифровые коммуникации // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 4. С.462-489.
15. Степанов В.Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики // Московский лингвистический журнал. 2003. Т.6. №2. С.157-180.
16. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: монография. – СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
17. Строганов В.Б. Методы противодействия манипуляции в Интернете // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность. Материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции. – Ек.: УрФУ, 2017. С. 414-417.
18. Фаломкина И.П. Речевая агрессия в комментариях социальных сетей и мониторинг социальной напряженности (на материале комментариев в профиле @kuzbass_news) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 8 (2). С. 101-105.
19. Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации // Культурология. 2018. №4 (87). С.185-197.
20. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // Litera. 2017. №1. С. 120-128.
21. Buder J., Rabl L., Feiks M., Badermann M., Zurstiege G. Does negatively toned language use on social media lead to attitude polarization? // Computers in Human Behavior. 2021. V. 116.
22. Magu R., Hossain N., Kautz H. Analyzing uncivil speech provocation and implicit topics in online political news // Computers and society. 2018. preprint.
23. McCosker A. Trolling as provocation: YouTube's agonistic publics // Convergence. 2014. №20 (2). P. 201-217.
24. Milosevic T. Social Media Companies' Cyberbullying Policies // International Journal of Communication. 2016. V. 10. P. 5164-5185.
25. Vega de la L., Vincent Ng. Determining trolling in textual comments // 11th International Conference on Language Resources and Evaluation. Phoenix Seagaia Conference Center Miyazaki, LREC. 2018. PP. 3701-3706.

© Афиногенова Виктория Алексеевна (afinogenovava@ipran.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»